

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 104 (3605)

Суббота, 1 сентября 1956 г.

Цена 40 коп.

ЗНАМЯ

ЗВЕЗДА

НОВЫЙ МИР

Нева

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ДРУЖОБ

ЮНОСТЬ

Что нового будет в наступающем учебном году, первом после XX съезда КПСС, на котором, как известно, обсуждались задачи школы? Читатели «Литературной газеты» интересуются, что сделано для того, чтобы школа готовила молодых людей к труду во всех областях жизни и особенно в области промышленного и сельскохозяйственного производства.

Прежде всего — о школах-интернатах, — сказал министр. — Это новое дело получило громадную поддержку в народе. Общественные организации предприятий и учреждений оказывают нам очень большую помощь — оборудуют мастерские, кухни, прислаивают книги для библиотек, помогают устраивать общежития. Помощь эту нельзя не оценить, потому что организация интернатов — дело сложное и, главное, срочное. В сентябре начинается учебный год в 177 школах-интернатах Российской Федерации.

Очень много. Достаточно сказать, что в Москве на две тысячи мест поступило больше тридцати тысяч заявлений. Коллектив школ-интернатов будет год от года увеличиваться. — Главное внимание всего учителя в этом году, — сказал далее тов. Афанасенко, — будет сосредоточено на осуществлении решений XX съезда КПСС о преодолении известного отрыва школы от жизни. В минувшем учебном году, в особенности вышедшим летом, было широко развернуто производственное обучение учащихся в колхозах и совхозах. В Ставропольском крае, например, в 122 колхозах работали комплексные учебные бригады, оживившие связи с жизнью в урбанизированной местности.

В нынешнем году в 500 школах республики вводятся, как опытный, новый учебный план. Он предусматривает более глубокую подготовку учащихся к практической деятельности после окончания десятилетия. Школы установят связь с ближайшими к ним заводами, фабриками, колхозами или МТС, где учащиеся смогут не только изучить производственные и технологические процессы, но и выбрать себе профессию и за время обучения в старших классах овладеть ею настолько, чтобы сдать пробу на разряд. По этому учебному плану вместо уроков электротехники и основ машиностроения вводятся новые предметы: основы промышленного производства в городских школах и основы сельскохозяйственного производства — в сельских школах.

Как готовятся кадры учителей для работы в школах по-новому? — Правительством принято постановление о расширении знаний учителей в связи с новыми задачами школы. Педагогические институты переводятся на пятилетний срок обучения, чтобы иметь возможность готовить учителей более широкого профиля. Биологические факультеты, например, будут давать знания не только в области биологии, но и в области химии и преподавания основ сельскохозяйственного производства. На физико-математических факультетах студенты будут наряду с физикой и математикой изучать основы промышленного производства, а также черчение, роль которого значительно повысится теперь в школе. Создаются также факультеты историко-филологические, русского и иностранного языков. Последние будут готовить учителей, которые смогут, кроме преподавания русского языка, квалифицированно вести один из иностранных языков. Особое внимание будет уделяться качеству обучения детей. Множество сельских школ получат внешне дополнительные кадры учителей: в одноклассных школах, где учится от двадцати одного до тридцати детей, будут теперь работать два учителя. При сельских районных отделах народного образования и частично при городских создаются штаты запасных учителей, которые будут замещать основных работников на время отпусков, болезней. Раньше педагогические коллективы школ должны были обходиться в таких случаях собственными силами, что вело к снижению качества обучения.

Корреспондент спросил министра: что делается для устранения перегрузки учащихся? Пересматриваются ли в этом направлении учебные программы? Министр ответил: — Да, пересматриваются. Дело в том, что существующие программы трудно усовершенствовать — они нуждаются в коренной переработке. Это громадная работа, она требует времени. Министр поручил Академии педагогических наук сосредоточить усилия на этой работе, преодолеть не раз отмечавшиеся недостатки в школьных программах. Частично они изменены уже в этом году, но удовлетвориться коррективками нельзя. Нужно создавать новые программы в соответствии с большими и серьезными задачами, которые поставлены перед школой XX съездом КПСС.

В Литературном институте Сегодня начинает свой новый учебный год Литературный институт имени М. Горького Союза писателей СССР. В результате конкурса, в котором приняла участие около полутора тысяч претендентов, приняты на первый курс девяносто человек. Это был самый крупный конкурс в истории института. Как всегда, наибольшее число мест заняли поэты и прозаики, но в отличие от прошлых лет приняты значительно больше драматургов и критиков. В числе новых слушателей института — представители самых разнообразных профессий: геолога, инженера, врача, рабочего-строителя, журналиста и т. д. В соответствии с решением Второго всесоюзного съезда советских писателей в институте образовано отделение художественного перевода. В этом году созданы две группы студентов — переводчиков с литовского и таджикского языков. В дальнейшем будут формиро-

Михаил Жерносок и его бригада

Рано, очень рано. Чуть-чуть только алой полоской обозначился восток. На поле стояла тишина. Но вот хлопнула дверь соседнего вагончика, и сонный женский голос позвал: «Рая!» — «И-и-д-у-у!» — отозвалась где-то вблизи девушка и, громыхнув раза два рукомойником, побежала в сторону кухни.

Они встали повара. Только потянуло горьковатым дымком с кухни, как тутчас же послышался шаг Жерносека. Их отличил от всех. Бригадир ходит быстрой, легкой походкой и, главное, всегда молча. Вот и сейчас: он шел от нефтесклада и остановился у окна нашего вагончика. Я думаю, что Жерносок скажет что-нибудь, позовет кого-либо, но он молча постоял минуту-другую, кашлянул чуть слышно и пошел в ту сторону. Видно, это был сигнал, потому что тут же, едва слышно его кашель, за тонкой переборкой соседнего отсека встал помощник бригадира Леонид Гавриленко и, сладко взвнув, скандовал своим глухим, простуженным басом:

— Лафетчики! Понимайся до звонка! Порох, сдержанный говор, стук ударного о пол кабула; и лишь стихло за стеной, как в отдаленный звонок и заливный запел мотор, загудел трактор — один, другой... Встали трактористы и комбайнеры, лафетчики. Утро серенькое; солнце еще не взошло, а может быть, и взошло, но его не видно: большую часть неба обложил туман. Тепло. В столовой и у бочек с водой — оживление: рабочие бригады, девушки-студентки, прибывшие на уборку, шиферы — все здесь: кто завтракает, кто умывается.

— Сашка, не озоруй! — кричит Нина Суслова, штурманский наш агрегат. Саша Мухамеджанов, тракторист, вместо того, чтобы лить воду из кружки на руки, то и дело плещет ее на шею, на плечи девушки. Нина взвизгивает, грозит: «Я тебе!» — но снова протягивает вперед руки. Жерносеку это нравится. Он стоит на ступеньках котловика в желтоватой тулупе на молнии, в ботинках, выпачканных соляркой, и, поглядывая на ребят, усмеивается. Честно говоря, и мне это нравится. Мне вообще нравится порядок, обстановка, те отношения между людьми, которые существуют в бригаде; я рад тому, что они остались прежними.

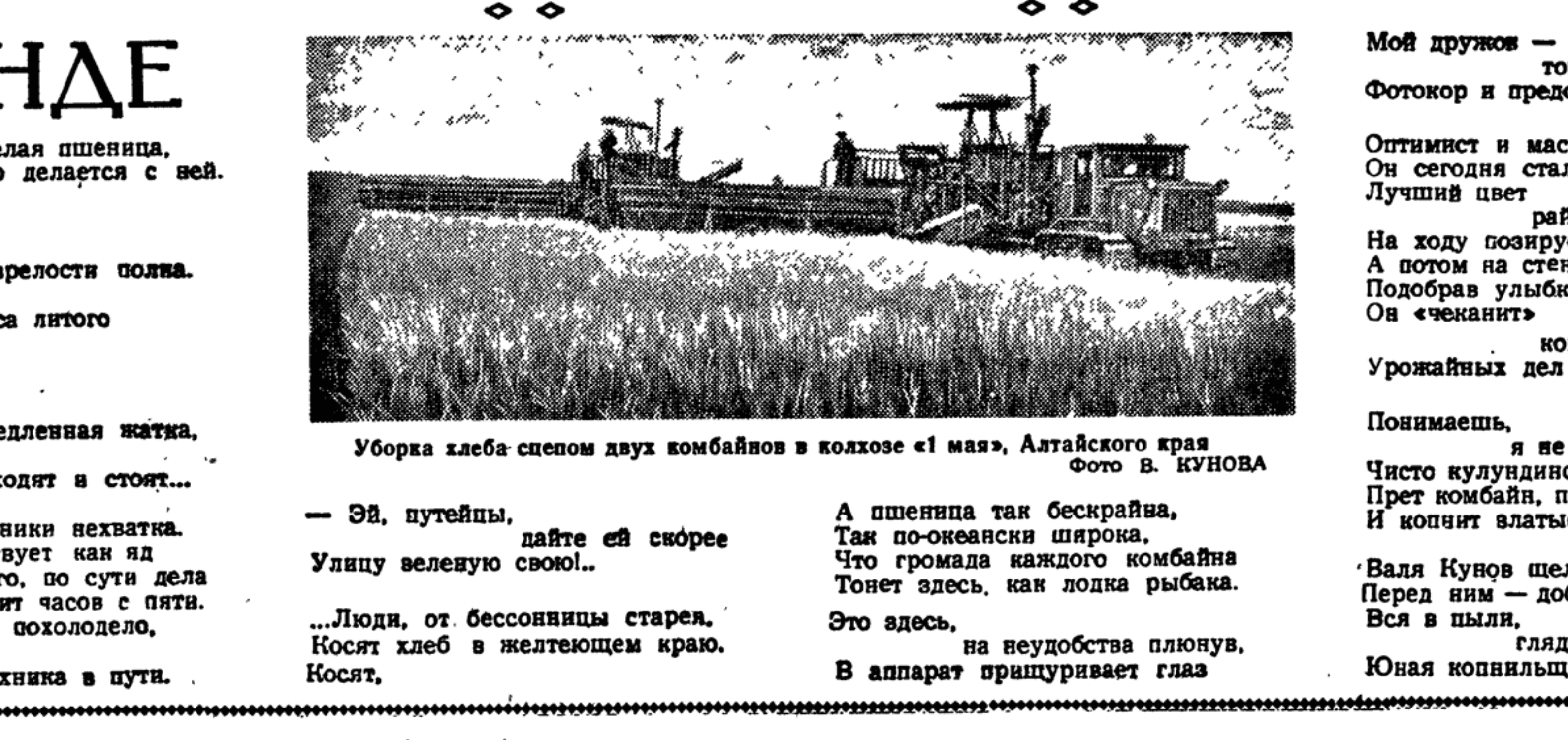
Весной прошлого года я провел в бригаде Жерносека более двух недель. У каждого человека бьется радостная пора цветения, юности, любви. Тогда, весной прошлого года, парни и девушки жерносокской бригады и переживали именно такое время, как, в слову сказать, и сама только что созданная бригада (совхоз «Агроном» — новейший, организованный весной 1955 года). Молодежь, говоря словами Жерносека, «гуртовала». Трудно доставляло новоселам: день и ночь поднимали целину, саяли; порой приходилось есть без хлеба, дынями просяживая без воды. И все-таки как выпала свободная минута, так на полеводческом — смех, пляска, веселье.

И вот я снова в бригаде. Тот же порядок и чистота на стане, знакомые лица возмужавших и выросших ребят. Но где же девушки? Где звонкогласная Ольга Коптева — первый комсорг бригады? Где Ная Анисевич — несравненная псалунья и певица? Где Валя Трофимова — эта русокудрявая красавица? Жерносок улыбается.

— Ни одну не отпустили в чужую бригаду, — говорит он. — Все с нами... Многие вышли замуж... И Михаил начинал перечислять, кто из ребят на какой девушке женат, у кого уже нароились детки и кто его оживает. Просто, как о ком-то постороннем, говорит о себе: жена его — Валя Трофимова; дочка Леониде уже пять месяцев... Хорошо живем. Обзавелся коровой, гусями, порося зavel — хозяйн. одним словом... И будто вспомнил, зачем он вышел из котловика, крикнул: — Эй, лафетчики! А ну, захоли!

Они за другим, парами — тракторист и комбайнер, — начали собираться лафетчики. Пришли Михаил Гармашев — агроном, косая сажень в плечах, и с ним маленький Анатолий Бул, пересмешник и непоседа Анатолий Киришин и серьезный, всегда самоуверенный Александр Четвериков; у всех — рубахи нараспашку, копыти пропаленные волосе не в силах прикрыть промасленные вепи. — Вот что, ребята: плохо вы вчера работали! — подпыхивая вчерашние «сучьи листы», горячо заговорила бригадир. — Так дальше дело не пойдет...

— Как же так? — недовольно отозвался Гармашев. — Норму выполняли, Михаил Дмитриевич? — Норму, норму!.. Эх, вы, хлопцы! Разве так надо работать? Три нормы — вот это дело!.. Три тысячи га еще не кошено. Хлеб через неделю осыпаться начнет. Ясно? Наша задача — не допустить этого! — Ясно-о!.. — дружно отвечают ребята и расходятся по агрегатам. Затем Жерносок собирает трактористов и начальников агрегатов, убирающих хлеб прямыми комбайнами. Он говорит им примерно то же самое: что работают они хорошо, но что надо работать еще лучше; выслушивает их встречные претензии, записывает, кому что надо, — и люди быстро расходятся. Загудели тракторы — и в минуту опустел полеводский стан. Выезжаем и мы. Нас на агрегате пятеро: тракторист Искандер Мухамеджанов, которого все зовут Сашей, комбайнер, наш «старший» Карпо Павлович Детков, штурманская Нина Суслова, копильщица Римма Юдинова и я, добровольно вызвавшийся помогать ей в ее трудной работе. В степи — тихо. День понемного разведривается. Полева еще тучно, влажная, она не так сильно заплещет глаза, и некоторое время я наблюдаю за работой агрегата. Первым движется трактор. Мимо него, почти совсем рядом, промывает стена рослой пшеницы. Сама сидит волобогата (он всегда сидит так, даже за столом, — скачивается привычка смотреть назал: на саялку, на пауг или, как сейчас, на гелер комбайна); иногда, когда степня вперед не прещает колдобия, он бросает взгляд на пшеницу. За штурвалом — Нина Суслова, в спортивных ботинках, майке-безрукавке; загорелое, обветренное лицо повязано по самым бровям белым платком; голубые глаза, не мигая, уставившись на гелер, Нина — студентка четвертого курса Кировского сельскохозяйственного института — хоть и изучала комбайны, но за штурвалом впервые. Она старается сделать все как можно лучше. Рядом с Ниной, наблюдая за работой молотилки и очисткой зерна, стоит Карпо Павлович. Я заметил, что старый комбайнер нет-нет да и испытает Нину, а первые, как опытный орел, выводит на верный вылет своего орленка; оставит ее одну — действующую, как хочешь. Подошла машина: надо разгрузить бункер. — Включай, Нина! — сказал «старшой». Нина, позабыв прибавить газку, потянула на себя рычаг выгрузного шнека; мотор комбайна — чих, чих — и заглох. Девушка тут же сообразила о своей ошлопости. Покраснев, бросилась с места вниз, заводит мотор. Но ее опередил Детков. Спокойно, будто ничего не случилось, зашел со стороны хедера, потянул за заводной рукояткой. — Растерялась, Карпо Павлович! Ей-богу! — Ничего... ничего... Мы разгрузились. Снова агрегат пошел по пшеничному полю. Проглянуло солнышко; стало лучше, нестерпимо знойно — особенно у нас, на копильте. Над нами, словно рой встревоженных пчел, вьются тысячи пыльных мушек. В этом сматении белых мух героически стоит на своем посту Римма Юдинова. Она, как и Нина, в спортивных ботинках и спортивного покрова байковой куртке; голова укутана так, что не видно даже глаз. Но это не спасает ее: она то и дело оставляет работу, чтобы чистым платочком протереть глаза. Дело в том, что у нее нет пылесазитных очков. Римма — соученица Нины, воровкурица; она горожанка, из самого города Кирова, и девушка не очень хорошо представляла себе, зачем она едет сюда. Другое, попросту, захватили с собой комбайнезон, защитные очки, а она — ничего. — Каждый год такая история! — с досадой говорит Карпо Павлович, наблюдая, как при повороте мы меняемся с Риммой местами, чтобы ей удобнее было стоять с подветренной стороны. — Как уборка — так нет защитных очков. У нас, на Одесчине, тоже!..

Сергей СМЕРНОВ В КУЛУНДЕ Здесь за сутки наступила осень. Наступила в августе она. Понимаешь, мы пшеницу косим. Где была ведаво целина. И не помня — справа или слева Появился ветер-сухой. Он дохнул, как доменное чрево, И листья попадали с ветвей. Дышит жаром спелая пшеница. Жуть берет — что делается с ней. Вся сухая. Вся она готова. Вся — ятарной зрелости поляна. И вот-вот из колоса литого Посыплет, Посыплет она. В ней рожок медленная жатка. В ней комбайны колят в стояк... Понимаешь — техника хватает. Это жмет в действо на суд Это — гроздь всего, по сути дела. Весь актив не спит часова с пяти. Нарко, а в душе охолодело. Хлеб созрел, а техника в пути. — Эй, путейцы, дайте ей сбросе Улицу велевую сою!.. ...Люди, от бессонницы старел, Косят хлеб в желтеющем краю. Косят, на неудобства плонув, В аппарат приурочивает глаз. А пшеница так бескрылая, Так по-океански шпрона, Что громада каждого комбайна Тонет здесь, как лодка рыбака. Это здесь, на неудобства плонув, В аппарат приурочивает глаз. Мой друг — товарищ Валя Кунов, Фотокор и представитель ТАСС. Оптимист и мастер объектива, Он сегодня стал незаменим, — Лучший цвет районного актива На кого позирует пред ним. А потом на стендах и витринах, Подобрав улыбки пошедрей, Он «чеканит» копии былинных Урожайных дел богатырей... Понимаешь, я не позабуду Чисто кулундинского штриха: Прет комбайн, пылит, как чудо-юдо И копчат алтые вороха. — Валя Кунов шлепает затвором. Перед ним — добытки зерна. Вся в пыли, глядит колчим взором Юная копильщица одна. Валя учит, с «Зорким» вагонове, — Мол, умойся, ты же вся в грязь. А она — косыночку на брови: — Ты меня такой изобрази! А потом захлопала в ладоши: — Гляньте-ка! — воскликнула она. В клубях пыли, будто бы в поробе, Шла сюда железная стена. Шли комбайны. Шли, держа равнение. Шли с вокзала. — Здравствуй, Кулунда! ...Я не в силах выразить волнения, Нами овладевшего тогда. А девчонка с пыльными губами, Вскнуив руки, словно два крыла, — Комбайнера, парня из Кубани, Как родного брата, обняла! Кулундинская степь

В добрый час!

В. ЛЮБИМОВА

До свидания — до воскресенья!

С первого дня надо быть аккуратным...

В последние августовские дни в московских школах-интернатах кипела непрерывная работа — развивались гардины, полотеры наводили блеск на полы, протирались стекла в окнах, проверялась готовность газовой проводки в кухне. Заведующие учебной частью — в который раз! — просматривали программы занятий и расписания, совещались с воспитателями и педагогами. Кабинеты директоров осаждали родители принятых в интернаты детей и родители тех, которых не приняли. Будущие питомцы с любопытством заглядывали в школу, которая отныне станет их родным домом. Здесь можно было увидеть председателя исполкома, секретаря райкома партии — все в эти дни волновались, всем хотелось, чтоб это иное, большее, в высшей степени ответственное дело с самого начала встало на крепкие ноги, чтобы с первых дней осуществлялись те высокие задачи, которые поставили перед школами-интернатами партия: воспитать будущих строителей нового общества, людей большой души и возвышенных идеалов, беззаветного служения своему народу...

Огромный труд, полный горячего творчества, предстоит коллективу, приступившему сейчас к работе с детьми в школах-интернатах. Нельзя сказать, что перед педагогами стоят совершенно новые задачи. Они будут воспитывать тех же советских детей, с которыми занимались и раньше. Но вместе с тем в методике воспитания не могут не возникнуть новые принципы, которые обогатят нашу педагогику.

Каков же коллектив воспитателей в школе-интернате? В четырех первых классах он состоит из трех человек в каждом классе — педагог, ведущий все предметы, и два воспитателя, находящиеся с детьми по пять часов в день и сменяющие друг друга. На первых порах воспитатели будут посещать уроки, чтобы получить узнать характеры, поведение, способности своих питомцев. Предполагается, что они будут работать, как один человек. Но это легко решить теоретически и гораздо труднее осуществить на практике. Потребуется много педагогического такта, ума, любви к детям, чтобы ребенок одинаково хорошо чувствовал себя с воспитателями, чтобы общение с двумя умными, образованными взрослыми доставляло ему радость.

Воспитателями в школы-интернаты назначены педагоги со стажем, проявившие себя как хорошие классные руководители. Но немало педагогов придет в интернаты сразу после окончания института. В этом много привлекательного — молодым людям легко найти общий язык с детьми. Присутствие же в коллективе опытных педагогов старшего поколения поможет решению тех трудных вопросов, которые обязательно возникнут в таком сложном деле.

Воспитанникам школ-интернатов с первого дня будут прививаться трудовые навыки, их будут обучать музыке и иностранному языку, рисованию, танцам и тем видам искусства, в которых дети обнаружат способности. Это хорошо. Но педагоги с самого начала должны предоставлять и себя и своих воспитанников от верхоглядства.

Изучение иностранных языков начинается в пятом классе. Предполагается, что это будет не только штудирование грамматики и переводы по учебнику. В интернате № 13 два воспитателя будут разговаривать с детьми по-английски, причащая их пользоваться этим языком в быту.

Воспитателям придется заменить многим детям мать или отца, а иногда и обоих родителей — ведь в интернаты приняты не только сироты и дети из «трудных» семей. С первого дня надо решительно пресекать малейшее проявление формализма в воспитании. Дисциплину в такой школе можно создавать только способом свободного развития индивидуальности ребенка.

Количество заявлений от родителей желающих поместить детей в школы-интернаты, в семь раз превысило вакантные места. Хорошо, с доверием приняты новые проявления заботы государства о воспитании детей советские люди. Они знают, что можно быть спокойными за дочерей и сыновей, живущих в интернате. Их будет хорошо кормить — четыре-пять раз в день, хорошо одевать — приготовлены шестизначная форма для классовых занятий, рабочие платья, спортивные костюмы, пионерские, летние пионершубы.

Надо воспитать в детях бережливость и уважение к труду, как можно раньше научить девочек обращаться с иголкой, шить на швейной машине. И шитье, и домоводство, и овладение доступными в их возрасте основами старинного или слесарного ремесла — все это с самого начала не должно казаться забавой, которую можно бросить. И уж, конечно, трудовому воспитанию надо уделять больше внимания, чем, скажем, балетным танцам.

Школы-интернаты станут для детей родным домом. Класс, в котором семилетний ребенок начинает сегодня свою жизнь в интернате, станет его семьей, с которой он вместе вырастет. Ведь самая крепкая и ясная дружба объединяет детей, как и взрослых, когда они связаны общим интересным делом.

Сколько счастья дала Пушкину в его трудной судьбе лждейская дружба! Помните знаменитую строку — «Отчество нам Пярысье село». Завидное товарищество родилось в стенах лицея. Сколько же возможностей развить большую дружбу в советской школе-интернате, и какое тепло внесет она в этот дом и в жизнь детей!

Школы-интернаты открыты. Положено начало благородному делу, итоги которого должны оправдать и большие ожидания и большую щедрость советского народа. Хочется, чтобы в них сразу началась спокойная, нормальная жизнь, ритм которой не нарушался бы парадной шумихой.

Хочется от души пожелать воспитателям и воспитанникам школ-интернатов счастливого начала их совместной жизни, успехов и удач.

Именно об этом говорил, открывая конференцию, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Н. Мухитдинов.

На конференции были отмечены большие успехи в изучении и преподавании русского языка в национальных республиках. Миллионы советских граждан разных национальностей говорят и пишут на русском языке, читают прекрасные произведения русской литературы.

Но участники конференции собрались не только для того, чтобы порадоваться успехам; они подняли практические вопросы улучшения преподавания русского языка в национальных школах. Выступавшие отметили серьезные недостатки в этом важном и трудном деле. Участились жалобы на недостаточную подготовку учителей в национальной школе не владеют практически в нужной мере устной речью, не могут свободно пользоваться литературой на русском языке.

Как выяснилось на конференции, одна из главных причин такого положения — формализм в преподавании русского языка. Фокусом в преподавании русского языка и выучившихся не требуют осмысленного и выразительного чтения, правильного устного и письменного изложения своих мыслей на литературном языке.

Старший научный сотрудник Института языковедения Академии наук СССР И. Баскаков и старший научный сотрудник Института языка и литературы Академии наук Таджикской ССР Л. Успенская говорили о необходимости учитывать при разработке методики преподавания русского языка как общие с русским языком, так и специфические структурные элементы и особенности родного языка. Преподаватель русского языка должен знать основы фонетики и грамматической структуры родного языка учащихся. Директор Института национальных школ Академии педагогических наук РСФСР Е. Кореневский поддержал эту мысль и добавил, что на всех этапах обучения русскому языку должны быть использованы знания учащихся по родному языку.

Широкий и свободный обмен мнениями на конференции дал хорошие результаты. Был выдан ряд конкретных деловых предложений. Министр просвещения Узбекской ССР И. Кадыров говорил о работе местных педагогических институтов, готовящих учителей русского языка. Многие выпускники этих вузов не вполне владеют своей специальностью. Учебные планы перегружены вспомогательными дисциплинами в ущерб специальным предметам. Плохо организовано заочное обучение. Министр просвещения Таджикской ССР Т. Пулатов поддержал это мнение. Факультеты русского языка и литературы педагогических институтов Таджикистана до сих пор не добились того, чтобы все выпускники хорошо знали таджикский язык и методику преподавания русского языка в таджикской школе. Нужно перестроить учебные планы литературных факультетов этих вузов так, чтобы они в основном готовили учителей русского языка и литературы для таджикской школы. Оратор предложил создать специальную инспектуру при министерстве просвещения для контроля за преподаванием русского языка, для помощи учителям. Заместитель министра просвещения Азербайджанской ССР Т. Хасмамедов считает, что было бы целесообразно восстановить существовавшие ранее в министерствах союзных республик отделы русского языка, а в районах — должности инспекторов по русскому языку.

Преподавание русского языка в национальных школах

Межреспубликанская научная конференция

Выступления многих участников конференции были посвящены вопросам совершенствования программ и учебников, перестройки учебного плана в национальных школах.

Старший научный сотрудник Института языковедения Академии наук СССР А. Львов говорил о важном значении издаваемых Ученым центром трудов классиков русского языковедения. Большие надежды возлагаются на создаваемый сейчас при Академии наук СССР Институт русского языка. Намечается издание с будущего года журнала «Русская речь».

На конференции выступили также преподаватели национальных школ И. Малявкожаев, Р. Сыргабекова, М. Ходжаева, доцента Т. Такова и В. Чинова, писатель М. Зверев.

Межреспубликанская научная конференция по вопросам улучшения преподавания русского языка в национальных школах — большое событие в культурной жизни народов Средней Азии, Казахстана и Азербайджана. Это первый и плодотворный опыт творческого общения педагогических кадров братских республик. Участники конференции особо подчеркивали необходимость укрепить связи научных учреждений и педагогических вузов различных городов страны, предлагали проводить подобные конференции каждые два-три года.

Хамид ГУЛЯМ ТАШКЕНТ. (Нам корр.)

ПЕШКОМ И НА ГОПУТНЫХ МАШИНАХ...

Тысячи туристов приезжают в СССР на поездах, на пароходах. Американский промышленник прилетел на своем самолете. Французские журналисты добрались до Москвы на машине. Индийские студенты — на мотоцикле...

В «периодической таблице» туризма оставалась одна незаполненная клеточка — кто-то должен был прийти в Москву пешком. Им ждали этого пешехода. И он пришел... 13 июня Андре Флон, фоторепондент одной из французских провинциальных газет, отправился в окрестности пешеходной прогулки... до окрестностей родного городка Монтобана. Флон «прогословал» и первая же машина подала его до Парижа.

Париж, Бельгия, Голландия, Германия, Швеция... Флон шел пешком, ехал на легковых машинах, на грузовиках, плыл на пароходе, знакомился с новыми людьми и всегда снимал, снимал, снимал. Снимал и в Хельсинки, снимал и в Ленинграде. Пора было ехать в Москву. На московском шоссе Флон снова поднял большой палец правой руки — международный знак «автостопа». Этот знак оказался понятен шоферу первого же советского грузовика: «Далеко ли?». Андре протянул шоферу записку на русском языке: «И французский турист, путешествующий во время света, держу путь в Москву».

Шофер гостеприимно распахнул дверь, тронулся в путь. Андре вытиснул из рюкзака грубую гармошку. Ехали под звуки марша «Веселых ребят», под звуки французских песен.

Ни разу за все путешествие Флон не купил билета, ни разу не останавливался в гостинице, не имел дела с туристскими организациями. Он хочет увидеть жизнь народов «изнутри». И в Москве он не захотел жить в гостинице. Флон раскинул свою палатку на живописном склоне Ленинских гор, на берегу реки, между университетом и Центральным стадением. И хотя новая «постройка» уступает двум соседним гигантам, зато возведена она была всего за пятнадцать минут.

Флону время дорого. Нужно увидеть и московские музеи и московское метро, снимать, снимать, снимать — московских девушек, мальчиков, влюбленных; их в районе его местожительства всегда достаточно.

День, который мы провели с Флоном, был для него богат впечатлениями. Он принимал гостей в своей палатке, снимал в ЦДРИ, в церкви, писал новую страничку в летопись «автостопа» — не только остановившись «Москвичом», но и по злобному приговору владельца машины вел от Ленинских гор до Кремля, ни разу не нарушив правил уличного движения.

Весь этот день Флон повторил: «Ну, кто и Монтобане мне поверит! Наверное еще Тартароном из Монтобана. То, что советские люди принимают меня радушно, поверят мне, но кто же поверит, что я вел «Москвичом» по улицам Москвы, кто поверит, что я прижимал москвичку к себе дома в Москве?»

И тогда для далеких монтобановских сплетников мы написали в путевой дневник Флона след за записками на всех языках, след за разными печатями, штампами и марками, след за радужными пожеланиями советских шоферов и дорожных друзей Флона следующее «удостоверение»: «Если кто-нибудь во Франции усомнится в рассказе нашего друга Андре Флона, свидетельствующего правдивость его рассказов могут слушать и его фото и это запись его коллег».

Викт. ГОРЮБОВ, З. ОРЬЕВ

Теперь это останется только на память.

Фото А. Янина

В 1949 году в издательстве «Советский писатель» вышла книга В. Смирнова «Открытие мира». Непомнящим читателям — в ней описывалась жизнь доколониальной русской деревни, детство маленького героя Шурки, через восприятия которого и показаны события этой жизни. Тогда в подзаголовке книги стояло: «Повесть». На самом же деле она являлась началом большого романа, который задуман писателем, как история его современника.

Сейчас В. Смирнов закончил вторую книгу, начало которой напечатано в № 1 «Звезда» за 1955 год. Конец второй книги публикуется в сентябрьском и октябрьском номерах журнала. Действие повести происходит в годы первой мировой войны, в канун Октябрьской революции.

В целом роман завершил лишь наполовину, но «мысленно», как говорит автор, он написан до конца. В замысле определены и сюжетная линия и логическое развитие образов персонажей, — ведь писатель работает над этим произведением больше десяти лет. В третьей книге будут даны события 1917—1918 годов, в четвертой — первые годы становления молодого Советского государства. Автор приводит своего юного героя на III съезд комсомола, где призвал Владимира Ильича Ленина — учиться — открывает перед Шуркой широкую дорогу знания и труда.

Мы печатаем сегодня отрывок, который заканчивается в конце второй книги «Открытие мира».

Открытие мира

УТРОМ он очнулся внезапно, как от толчка, и долго, со сна, глядел перед собой, не понимая: дома он или в чужом месте. В избе было непривычно светло, он видел с печи далеко на полу, в щели, обремененную вечером бабушкой Матрениной вазальную спицу. Шурка живо свесил с печи голову, взглянул на окошко в спальне. За разбитым стеклом, тропичным морозной росписью, было белым-бело.

Вот прошел туманами с плетухой се на Никита Аладьян, увязая в рылом снегу. Полушубок у него — нараспашку, рукавицы — под мышкой, а голова, прижатая к плечу, повернувшись довольной бородой к небу. Видать, хорошие вести привез Никита из города, из больницы, и вчерашний бабый бунт ему по сердцу. Он ни о чем не беспокоится и, как Шурка, радуется зиме.

Аладьян вот сейчас во двор, раскрыв настежь ворота. Савраный мерин появился из темноты, долго стоял в воротах, не решаясь ступить на снег. Никита махнул на него рукавицей. Мерин, вытянув морду, раздвинул бок, понахал снег, отфырнулся, должно быть жаржал потихоньку и скандал со двора, как жеребенок. Потом, согнувшись осторожно передние мохнатые бакки, постоял так, смешило, на коленах, тяжело повалился задом в снег, принялся кататься и отряхиваться. Экий старый бабень!

Прямой фиолетовый столб стоял над белой крышей избы сестрицы Анушки. И еще дала, по всему селу поднимались вверх такие же столбы, подираясь к небу, лилово-серое небо. За Волгой оно начинало светлеть и розоветь. Ну, выглядывая живей, зимнее комское солнышко, тебя только и не хватает сегодня!

Шурке хорошо было за столом еще и потому, что он видел и чувствовал: как успокоилось и затихло все на улице под молодым снегом, так затихла и успокоилась после вчерашних слез мать, замерев под холодом горя. Точно она выпала последние слезы, сморилась с тем, что отец вил, послушалась бабушка Матрени, перестала обманываться. На лбу, между тугими бровями, у ней народилась рогулька-морщинка, словно мать, сдвинув брови, крепко задумалась. Рогулька не пропадала и не ломалась, она была навсегда. Но это уже не тревожило Шурку, потому что приунывшие глаза матери подожгло, спокойно и ласково грустно глядела на него и Ваня, как они унывають сочи с твоем, хрупкая бабушкиными гостинями, постоило дуть в блюдца на горячий чай. Она не помнила, как провала вчера виллами дорожку городского пальто, спасая телку, которую хотела забрать на поставку фронту. Она дала Шурке и Ваняте по второй ландринине, а сама, как Марфа работница, катала во рту один и тот же камешек и пила с ним четвертую чашку.

Бабушка Матрена, напротив, не пила и не ела за столом, все жаловалась, по привычке, на сноху Алену, у которой постоянно жила. Она плакала, прибирая всякие пустяки. Шуркина мать успокаивала, как это делала вчера сама бабушка, приглашала, когда надоело жить у Алены, перейти к ним в избу, хоть на зиму, хоть навсегда.

Пожив зиму... отдохну... — соглашалась бабушка, оступаясь принимаясь за чай и сочни. — У тебе, Полынька, токо белый свет и вижу... — И она опять заплакала.

Шурка слушал, глядел в окошко и дивлялся про себя: до чего бабушка вчера была умная, рассудительная, а сегодня какая-то глупая и смешная. И ведь больше выдумывает про Алену, чем говорит правду. Он был весел в гостях за Волгой, и тетка Алена ему по нравилась. Добрая, веселая, здоровую тетку, похочая на Солину молодуху, она закормила Шурку. Вот и сейчас не забыла, прислала гостинцев. У ней ландрин постоянно водится, она ходит на полустанок колотить дрова, как мужик. Я в своем зиме прохожу... да мамка же!

Мать ударила его по голове. — Тебе говорят или нет? Он заревел, влез в пиджак. Ему было неловко, лучший нафталин не давал дышать. Он поскорей скинул пиджак, бросил его на лавку.

Бабушка Матрена потянулась, разыскала и пощупала сукно. — Совсем новехонкое... — сказала она и вздохнула.

Мать молча разгладывала складки на пиджаке, нашла масляное пятно. Послеидна палец и потерла плато, оно не отходило. Потом она увидела и сняла курчавую волосьнку с воротника.

Она всмотрела на пиджак, на курчавую волосьнку, которую держала между пальцами, и в голубых, волчьих глазах ее на мгновение зажегся неудовольный короткий свет, который всегда радовал Шурку.

— Пожог... пороть, — запинаясь, сказала мать, роняя волосьнку на прежнее место. Медленно, аккуратно сложила пиджак и понесла обратно в чулан.

— Погодь... погодь... — кивала ей вслед трасучей головой бабушка. — Я тебе, Санька, из своей шерстяной юбки обогнуешь сошью, — обернулась мать с порога. — Как же это я позабыла! Пальтишко выидет хоть куда... — И она улыбунулась обычно, ласково.

У Шурки отлегло на сердце. К тому отрадному свету, молодому, что несильно вернулось и переполняло его, прибавилось еще что-то, потерянное и теперь найденное, самое утешительное и дорогое, как вера матери в добро и хорошее в жизни.

Он выскочил на улицу и первым делом набил рот снегом. От снега пахло яблоками и леденцами. Он сосал и жевал эту зимнюю благодать, пока не заняли зубы и не схватила горло ледяная судорога. Ему хотелось повалиться в снег, как Аладьянину мерину, но было жалко даже ступить валенками, потому что каждая голубая снежинка тихо жила и светилась, как живая. И все кругом, нетронутое, спокойное и радостно жило, мягко лаская морозным чистым блеском.

Солнце так и не возвысилось из-за Волги. Лиловато-розовые, с проседью, тучи висели низко и неподвижно. Все равно, и без солнца снег голубо-весело горел голубым огнем и чуть слышно здоровался, разговаривало с валенками. И в Шуркиной душе тоже что-то тихо светилось, жило и разговаривало с ним.

Он поймал Катку, когда она, провалившись в канаву, вылезала на шоссей-ка. Шурка набрался в широкое изрытые валяние мамкиных валенок. — И откуда взялся, не мог подождать, акая прорвал! — жалобно шипела она, выгребая снег из голенищ сиюными лапками. — Погибели на тебя нету, окаянный, сколько навалало!

Увидела Шурку, спрятала лапки под вышивенный платок и повела веревочные тяжёлые подошвы по снегу в мосту. — Растрепан, обожди, что я тебе скажу! — оторопело крикнул Шурка.

— Была охота слушать, — ответила Катка, не оборачиваясь, и худенькие, в пухлятиках, такие же синие как лапки, голышкы ее, болтались в широких голенищах, потапливая валенки быстрее по белой жиже льда.

Он все-таки догнал Растрепу, достал тринию, развязал узелок и сунул колечко в синюю лапку, выглядывающую из-под платка.

— Возьми... на память, — пробормотал он.

У Катки глаза сверкнули, как два драгоценных камешка, но перстенек она вернула обратно.

— Бери, бери, пожалуйста... — совал ей Шурка колечко и умоляюще бормотал: — Не озоруй ты надо мной, ради бога, перестань! Последешный раз видишь, как и знай. Помнишь, я тебе говорил, что пропаду, съезду землю провалюсь?... Ну вот, сегодня я это и сделал.

Растрепан покосилась на Шурку, на колечко и фыркнула: — Так я тебе и поверила. Кишка! Шурка торопливо, размахисто перекрестился. — Разрази на месте, завтра меня не будет! Катка презрительно сощурилась, плюнула. — Помрешь, что ли? Я плакать не стану. — Дуря! — рассердился Шурка и вынул из кармана платок, на котором лежал перстенек. — Я на фронте с Яшкой Петухом уезду, на позицию, спасать русское царство. Поняно? Нам дадут убойня, сапоги кожаные дадут, шинели. Мы ух сукарей на дорогу припасли и коточки за плечи сделали, с ляшками... Ух, и набьем же мы мурду германцам и австриякам! Зарабаем серебрняные крестики, как Матвей Сибиряк.

Ужас, зависть, радость перепутались на Каткином лице. Шурка тут же вспомнил, понес всякую чушью, чтобы как-нибудь вывернуться, спрятать концы. Растрепан и слушать не стала. Не раздумывая, она решительно заявила: — И я с тобой. — И пригрозила, злоюще сверкнув глазами: — Попробуй, Кишка, не возьми... Все расскажу Григорю Евгеньичу! И мамке твоей расскажу... Пропищуй тебе войну череседельником. Зарабаешь крестики на заднюю, неделю на нее садись!

СИЛА ЖИЗНИ

Иван Шухов, пятидесятилетие которого в эти дни отмечает общественность, является одним из правдивых и одаренных писателей колхозной деревни...

Роман «Неизвестность», неоднократно переведенный на европейские языки, изображает крутой переход в жизни казахских поселенцев и русских станиц в годы коллективизации сельского хозяйства...

Как бы логически продолжением этих романов являются очерки И. Шухова «Покорители целины», выпущенные издательством «Молодая гвардия» в 1955 году...

Ярко и поэтично описана в очерках разнообразная, отличающаяся суровой, на всю жизнь привыкшей к себе красотой природа Казахстана...

Живо изображена в этих очерках мало известная широкой читателям уральская Катаяна, но в прошлом и трагичная история освоения богатейших черноземных земель Казахстана...

Ермак, по следам русских служивых людей, за полками нехоты и лихих эскадронами казачьей конницы пришла в эту степную окраину Российской империи великая армия земледельцев, армия будущих мастеров земли...

Однако подлинное освоение этих богатейших земель началось лишь в годы советской власти. Оно вызвало огромные сдвиги во всей экономике и культуре республики...

Но скрывает автор трудностей суровой жизни, напоминающей зачастую фронтовую обстановку, в еще не обжитой степи. Брезентовые палатки, а иногда и просто кусты встречали покорителей целины...

С большим теплом написана очерк «Осенние будни» — это как бы итог напряженного труда невольно возникшей сельхозартели, выросшей в большом, хотя еще и не отмеченном на карте селе...

Книги Ивана Шухова имеют большую познавательную ценность для читателей, желающих получить правдивое и жизненно верное представление о прошлом и настоящем Казахстана...

Тихон СЕМУШКИН

ОТ ВПЕЧАТЛЕНИЯ — К ОБРАЗУ

«...Как смутно проявляется сначала в сознании всякая мысль и чувство, как трудно ядро передать ее, и какова огромная разница между смутно создаваемым и ясно выраженным чувством...»

Чья это полные творческого бесполовства слова? Не человека ли, уже отчаявшегося от литературных неудач? Нет, это раздумья Л. Н. Толстого о сложности создания художественного образа...

Некоторые поэты, внутренне отталкиваясь от поэзии декларативной, декларирующей, кинулись в другую крайность: повели борьбу не против прямолинейно выраженной «ясности», а вообще против всякой ясности...

Есть и другой, более верный и естественный путь, когда поэт ориентируется не только на расклад читателя или интуицию, но стремится найти глубокий отклик в многогранных чувствах человека...

В полноте с линией стихотворений сборника «Литературная Москва» внутренняя борьба ясно определявшегося и смутно ощущаемого становится заметной уже от самого соседствования разных стихов...

Вот издалека летит клин журавлей. У одного из расположенных по пути озер на журавлиного вожака наведено озеро. Луч очка уларя в сердце птычье. Быстрый пламень вспыхнул и погас...

Книги Ивана Шухова имеют большую познавательную ценность для читателей, желающих получить правдивое и жизненно верное представление о прошлом и настоящем Казахстана...

2. Стихотворение А. Суркова «Над Гангом» уже много тематическое и поэтическое плана. Оно, не в пример другим, рядом стоящим стихам поэта — «Открытка» и «Ночная песня», не оставляет А. Суркова в состоянии первого, не развитого впечатления...

В поэтическое творчество бывает одна не очень плодотворная исходная точка: из каких-то готовых данных как бы заранее конструируется определенная схема. В под-

линном произведении искусства первоначальный замысел обычно преобразуется в процессе творчества. Первое впечатление обогащается новыми ассоциациями, движется и развивается своим естественным путем...

Известно, что Ганг именуется священной рекой, что, согласно древней легенде, люди, умирающие на его берегу, возносятся в рай. Отсюда — стремление верующих завершить свой жизненный путь на берегах Ганга...

В стихотворении А. Суркова первоначальная основа замысла творчески обогащается. Так в начале стихотворения возникает широкая метафора:

Оттого, что не может окунуть взгляд Лыдистых гор великанский лес. Решено было тысячи лет назад. Будто Ганг стекает с небес.

Люди жаждут бессмертия... Что же, разве ты помогут слова? Я давно это видел, друзья, а грусть И поныне в сердце жива.

А вот отсутствие эмоционального и образного обогащения первоначального замысла лишает поэтического силы другое интересное по мысли стихотворение А. Суркова — «В страну чудес».

3. Наши поэты и читатели любят как бы в слове с другими явлениями и нередко самостоятельной жизнью. По почему же иные пейзажные стихи производят впечатление лишь белых зарисовок? Очевидно, потому, что они не выходят за пределы первоначального впечатления, не обогащаются душевным опытом автора...

Здесь порыв взлетает ворон круто, Потревожено царственную ель, И бужет целую минуту Маленькая тихая метель...

Здесь мысль не навязана стиху, как это нередко еще бывает, а естественно возникает из всей его образной системы, из вдумчивого видения мира.

В приведенном стихотворении К. Ваншенкина не только зримо ощущаешь образ леса. Сам, кажется, становишься зорче, пронзительнее, богаче. Очевидно, поэт не ограничился первоначальными смутными контурами темы, но сумел наполнить ее живыми красками и чувствами.

А вот в других стихотворениях, опубликованных в «Литературной Москве», К. Ваншенкин идет не от живого восприятия явления. И эти стихи кажутся бесцельно и скучновато плывущими по страницам книги...

4. Нельзя обойти еще один вопрос, находящийся в одной цепи с уже затронутыми явлениями. Мы знаем, что стандартная поэтическая мысль и чувства во многом определяют точность и экономность художественных средств. Иной раз и ныне еще говорят, что содержание само уже диктует форму...

Кому диктует, а кому и нет... Пассивно надеясь на эту подсказку по меньшей мере названо. Смысловая определенность — это только возможность для поисков соответствующих путей и средств ее выражения...

Здесь чувство выросло, определилось. Но, кроме двух названных стихотворений, в сборнике напечатано еще и третье произведение Р. Рождественского — «Утро».

Нелепо было бы отрицать за поэзией право затрагивать порой довольно острые вопросы нашей общественной жизни. Литература, если она настоящая служительница общества, не вправе обходить новые явления в жизни народа...

Правильная мысль: «Человек погибает в конце концов, если он скрывает свою боль». — не получает конкретного образа воплощения. Туманно говорится и о самом «зле», туманно обозначена и сила, ему противостоящая...

Как показывают приведенные примеры, ясность творческого замысла и ясность поэтического выражения представляют собой необходимые условия создания подлинной ценности поэзии.

Сейчас, когда в нашу поэзию вливается столько новых «непробованных» тем, чувств, мыслей, вопрос наиболее ясного и яркого их выражения, доведения их до богатого смысла, зримого и осязаемого поэтического образа приобретает особенно важное значение.

Наш друг Индонезия

Несколько дней назад Москва встретила Президента Республики Индонезия доктора Сукарно. А незадолго до этого на Кузнецком мосту открылась выставка, присланная нам индонезийскими друзьями...

Выставка невелика, но ее отличают тщательность отбора и стремление в различных ракурсах показать нам лицо молодой республики.

Казалось бы, очень рискованно помещать рядом фотографии и картины. Но случилось так, что здесь они отлично дополняют друг друга: на фотографиях — строгая документальная правда о жизни народа, на картинах — возлюбленное живописное преломление той же жизни...

В современной индонезийской живописи перебрелись влияния нового искусства с древними, уходящими в глубину веков традициями. В полотнах художников Бурхана, Мохтара Апина, Салима, Имана Сутари и Барли поражают отголоски манер французских мастеров конца XIX века...

В рядом — бесмысленные произведения народных мастеров-художников с острова Бали, эпически подробно рассказывающих о буднях и праздниках простых людей, работы резчиков по дереву, умеющих создавать такие вещи, как небольшие, но предельно выразительная в своей простоте скульптура «Мудрец»...

Пусть же наши друзья в Индонезии знают: мы хотим, чтобы эта выставка была началом. Началом постоянного и взаимного обмена всеми ценностями, которыми должно делиться народам, связанным глубокой и прочной дружбой.

На снимке: картина художника Бурхана «Рыбачи».

Беседа об австралийской литературе

Иностранную комиссию Союза писателей СССР посетил австралийский писатель Фрэнк Харди. От имени московских литераторов гостя приветствовал С. Михалков.

Собравшиеся с интересом слушали рассказ Ф. Харди о развитии австралийской литературы, ее основных течениях и традициях. Он назвал имена писателей, чьи произведения, по его мнению, представляют интерес для советских читателей.

Ф. Харди сообщил, что им закончен автобиографический роман «Тяжелый путь» и цикл рассказов; некоторые из них публикуются сейчас в «Огоньке». Уже несколько лет Ф. Харди работает над трилогией, объединенной подзаголовком «Австралийская трагедия».

Ф. Харди сообщил, что им закончен автобиографический роман «Тяжелый путь» и цикл рассказов; некоторые из них публикуются сейчас в «Огоньке». Уже несколько лет Ф. Харди работает над трилогией, объединенной подзаголовком «Австралийская трагедия».

— Наплевать! Я голодная побегу. — В этих-то валецках, шлемках! Далеко не убежишь.

Катяна подумала, размахнувшись правой в сизых пухлячках голышом, и тоскливо, изъеденный мышами валеком далеко отлетел в снег. Растрепанная махнула левой ногой, и второй валеком по-братски отвалился туда же.

Она не спешила, развалочку побрела за валеками. Надела ли и опять попыривала в снег, еще дальше. И снег не обжигался, что его мнут и топчут, горел холодным голубым огнем, одобрял Катю.

Она не спешила, развалочку побрела за валеками. Надела ли и опять попыривала в снег, еще дальше. И снег не обжигался, что его мнут и топчут, горел холодным голубым огнем, одобрял Катю.

Она не спешила, развалочку побрела за валеками. Надела ли и опять попыривала в снег, еще дальше. И снег не обжигался, что его мнут и топчут, горел холодным голубым огнем, одобрял Катю.

лосека, что бусела осенью на сходе и не сумел настать на своем. Сейчас этот человек, стиснув зубы, потеряв терпение, молча, ошесточенно давил валеками и лопатами снег. Скоро он начнет давить паразитов и вампиров, как обещал питейщик Прохор в кузне.

Вот они и вышли сообразно, помычно на войну, мужики и бабы, только не на австралийскую и германцев, а на начальство, которое курило и топило от холода набуками на просторном крыльце и высекали галерею Устина Павлыча. Там были светлые пуговицы, кожаные перчатки, ремни с бляхами, меховые поповские шапки и папаша с кокардами. Все это сверкало, кашляло, дивлялось, сильно рябило в глазах, и стого крыльцо и галерея казались битком набитыми людьми, что очень страшно Шуруку. Он признал усатого пристава, отправлявшего осенью мужиков рыть окопы и трупившего тогда грозно в клетчатый плакат. Около пристава егизил волостной писарь, разинув лягушачий рот и весело выкатив бесподобные белыма. В осенях полблескивали золотые неприкосновенные очки. Остальных понаехавших Шурука не знал и перепугался еще больше.

Но мужики и бабы, сбившись плотно на примятом снегу, и не думали бояться. Они даже не глядели на крыльцо и галерею, будто там никого и не было. Они молча, хмуро-выжидательно уставились на пошеюку, где вчера тревожно фыркала пара наурских жеребцов, а сейчас поили оседланых коней борodatые, с ружьями и шапками стражники, человек десять, доставая поочередно воду обмороченной звонкой бадей из колодца Косоурова. У избы кабатчика стояла тройка с новорыми ямщиками санями и простые, полные сена, широкие розвальни, в которых были привязаны на короткую веревку очкастый бычок Ваня Духа и комолая телка лавочника Устина Павлыча.

Надо было теперь прятать в телушку Уминичу, а самую мамку Шурука поискал перепуганными глазами и не мог найти матери в толпе. Ах, если бы мамка догадалась, спрятавшись! Золотые-то очки не зря вернулись в село, — шибко прополорили выли дорожное палыто.

— Ты, торопыга, дай кобыле напиться аволю, — распоряжался у колодца чернородый, горбоносый, похожий на чыгана стражник, должно, старший, вырывающая ведро у вертлявого соеда, светилу бегавшего возле всхрапывающих, тынувшихся к нему мордами коней. — Овся негу, так хоть воды много... Не жалей, чего обожает животино? — говорил он, сёрдит косясь на мужиков и баб, отталкивая Косоуриху, которая мешала ему, стоя неостая возле колодца, как бы считая, сколько ведер ее воды

вычерпают стражники и останется ли ей на самовар. — Идите, шарьте по двору, дьяволы! Устроили тут водопой... И к вам скоро придут, забурют коров, или они есть... не посмотрит, что вы стражники, — говорила Косоуриха, не уступая своего места у колодца. — Полегче черпай, разобьешь мне бадью!

— Отстань, тетка! — отмахнулся раздраженно чернородый. — Какие мы стражники, такие же мужики, запаленые солдаты... Вот посадили на дохлах лошадей, сунули в руки железную забаву и стали стражниками.

— А кто вы мужики, солдаты, по что же своего брата грабите? — громко спросил Никита Аладын, выходя на пошеюку.

И весь народ, как по команде, качнулся за ним. — Тыше вы, там! — затрубил с крыльца пристав, срывая и натягивая кожаные перчатки, стуча кулаком по перилам. За его спиной сгрудились меховые шапки. — Долго еще нам ждать? Разъясню: можно и поросит сдаться, лягнет. Господин земский начальник не возражает.

— Да, э-э... разрешаю, — высунулась и пробрела из-за спины пристава высокая, колючая, шапка с тощей козылной бороденкой. — Пожалуйста, э-э... оставь себя на влоревые телтя и коров. Никто вас, э-э... не разорет.

— Спасибо, много благодарны... Разорили давно! — крикнула, не вытерпев, Солина молочуха. — Последнюю раную юбочку отдать только и оставишь... Верте! — Молочуха взмахнула подолом и плонула. Писарь подпрыгнул на крыльце, обрадованно закванкал: — Онал, Ваше благородие, признаю! Вчера силком... она сама... в тарантас меня сажала. Прикажете арестовать. Наподелешная баба-с!

содлат посылать? Силой возьмем — хуже будет. Пре-ду-преж-даю! Народ молчал.

Ничто не мужики и бабы наступили и страшили, наступало, топя ногами на народ, приехавшее начальство, должно, крепко надеясь на своих стражников. Чернородый чыган, бросив ведро Косоурихе, поправил за спиной винтовку, чтобы ловчее было ее снимать и стрелять, когда велит.

Зачем же сбегался из деревни народ? Ничего он не может поделать — даже сообраз, помычно. Это тебе не молокоба, не сеносок на барском лугу. Нет у мужиков и баб такой силы, чтобы оделить стражников. Топоров, и тех не захватили с собой. Наобещалась вчера Катянина разъяренная мамка попусту. Помертвев от холода, Шурука сжеглась, оаирясь исподлобья по сторонам.

Но разглагользав великан-народ, заняв свободное место от казенки до лавки Бывкова, по-прежнему жарко дышал на всю уличу, обоблачиваясь морозным паром. Тихо брел и голубел снег на ближних крышах изел, на пушистых березах и липах, в дальних нежелезных переулках. Слово чернело темное, перекощенное от зноя и оточной нехватки солнца. И столько оточной нехватки солнца, сдурневших прищурив, в складках бабах, сдурневших на затылках, платках и шалошеке, в дражниках, запутанных мужичьих бородатах такая неумная, расстревенная сила поднялась из груди, вздувая жилы на шее, что непонятно было, как он, огромный человек, себя сдерживает, да и зачем, и надолго ли этого хватит, раз терпение лопнуло.

Стало понятно Шуруке, что не в коровах и телятах тут нынче дело. И это знало начальство, но притворялось, как всегда, что ничего не видит, сердилось на крыльце, требуя лягнет и поросят. Меховые шапки поймали Устина Павлыча, притиснули к двери лавки и не отпустили. Особенно насадал на Бывкова распахнутый вольный тулуп. — А что я могу? Я телочку отдал, племенную не пожалел! — сердито верещал расстроенный Олег его отец, обороняясь от вольного тулупа. — Ну, староста я. А ты — волостной старшина! И земский начальник тут. Вы и распоряжаетесь... ежели сумеете. Глазнышки бы не глядели, до чего довели народ! — Господин офицер! Э-э... притупил! — пробрела козылная бороденка. — Слушаю-с!

крутую, выпаченную гурь крест-накрест, в пузатых, с малиновым наметом штанах, по которым билась кобура и летка и берчала по ступеням шапка. Залюбов надзая смятую папаху, долговязый раскуривал на ходу папиросу.

Расступились, колыхаясь, народ, и перед офицером стал Григорий Евгеньевич, белее снега, загордив дорогу на пошеюку к стражникам.

— Послушайте, вы же интеллигентный человек... Как вы можете? — вслеплено проговорил он. — А что собственно, что угодно? — приставляясь долговязый, шурясь от папиросы, нахвастывая себя ремешком пелюки по сапогам. — Мне ничего не угодно. Я учитель... Мне стыдно за вас! Стыдно!

— Идите прочь! — сквозь зубы сказал офицер, обходя Григория Евгеньевича. — Нет, я никогда не уйду! Я требую... Вы не имеете права! — закричал Григорий Евгеньевич тоном, не своим голосом, и Шурука стало больно за учителя, что офицер не слушает его, звенит шпорами по снегу. — Я и солдатка вашим скажу... Они поймут меня лучше, чем вы! — кричал Григорий Евгеньевич.

И одинокий, жалкий голос его неосужденно потонул в ропоте. Как гром, надвигался, рос этот ропот по улице. Разноязыкий, многоголосый человек-великан грозно заговорил и двинулся за офицером и учителем к стражникам. Побоялся, Растрепаной и Духовольных, которые, окаясь, как и он, торчали перепуганные у казенки. Послушавшись раз они, ребята, не послушались?

Но думать об этом было некогда. Народ, теснясь, вдруг остановился передне тоскливо, потом растопился, давая дорогу серому, в алохаче, жеребцу, вылетевшему из-за околицы, со станции. Степан, работник, намотав вожжи на ручки, чуть не подавил баб, с трудом сдержав жеребца. Шурука увидел в санях Янку, его мать, лежавшую под стеганым одеялом, и сгорчившегося в шинели солдата с котомкой и такими невозможными знакомыми кошачьими усамы, что у него, Шури, оборвалось дыханье, и сердце, подскочив к горлу, заколотилось бешено и сладко. Он кинулся к солдату. А тот, не глядя на смолкших мужиков и баб, прихватив за ямок одной рукой легкую котомку, оперяясь на веревочные перелеты саней, не встал, а как-то отделился от сиденья, перекинул себя, котомку и шинель на дорогу, в мятый снег.

